

TRANSLATIONS

ПЕРЕВОДЫ

Дарья ФАРАФОНОВА
Università di Genova

Три статьи Лауры Сальмон о Достоевском. Вводное слово

Представляя читателю цикл итальянских статей профессора Лауры Сальмон, посвященных ключевым вопросам поэтики Ф. М. Достоевского,¹ необходимо особо отметить уникальный характер и методологию перевода на русский язык данных работ. Перевод был осуществлен в режиме тесного научного диалога с автором. Плодотворное соучастие Лауры Сальмон (слависта и переводоведа) в процессе русскоязычной редактуры позволило не только ювелирно выверить языковые и стилистические нюансы, но и внести в публикуемые тексты ряд формулировок и уточнений, направленных на их актуализацию и оптимальную интеграцию в контекст российской и зарубежной достоевистики. Таким образом, русская версия статей является результатом соавторской редактуры.

Отдельной методологической задачей стал перевод цитатного аппарата. Все цитаты, имеющие соответствия в русскоязычных источниках (включая произведения самого Достоевского) в уже опубликованных русских переводах, были скрупулезно сверены и приводятся по соответствующим русским академическим изданиям. В случаях цитирования иностранных источников, не переведенных на русский язык, приводится мой перевод (Д. Ф.).

Статья “Антиромантический бунт Достоевского-художника и тревожный субстрат *Белых ночей*” предлагает фундаментальную переоценку раннего творчества Достоевского на материале повести *Белые ночи* (1848), отделяя его художественный гений от традиционных идеологиче-

¹ Перевод осуществлен по следующим изданиям: Laura SALMON, “L’eversione anti-romantica del Dostoevskij-artista e il substrato perturbante delle *Notti bianche*”, in Fëdor DOSTOEVSKIJ, *Le notti bianche*, trad. it. di Laura Salmon (Milano: BUR, 2019), pp. 177-209; Laura SALMON, “Sulla coesione dei ‘monologhi polifonici’ dostoevskiani. Tipologia, anonimato e antonomasia dei ridicoli sognatori del sottosuolo”, in Caterina SARACCO, Rosa RONZITTI (a cura di), *LinalaukaR: lino e porro. Scritti in onore di Rita Caprini* (Arenzano: VirtuosaMente, 2021), pp. 481-497; Laura SALMON, “Il significato del ‘nome non detto’ del ‘Prigioniero’ nella narrazione del Grande Inquisitore dostoevskiano”, *Il nome nel testo*, 17, 2015, pp. 369-386.

ских трактовок, базирующихся по большей части на публицистическом творчестве писателя. В статье убедительно аргументируется, что повесть, вопреки провокационному определению самого автора, не является сентиментальной историей, как она буквально толкуется крупными исследователями творчества Достоевского (Катто, Кэнноксэ и др.), а представляет собой антиромантический, почти пародийный жест писателя, направленный на обнажение искусственности романтической иллюзии. В более широком смысле разоблачается «романтическая ложь» (Рене Жирар),² посредством которой в сознании читателя “конструируется” сама вымышленная автором реальность. На основе подробного текстуального анализа Лаура Сальмон деконструирует образ «Мечтателя», показывая, что под нарочито явленной маской чувствительного романтика скрывается фигура с патологической, невротической структурой, которая предвосхищает антигероев будущих великих романов Достоевского. Статья подводит к мысли о том, что Достоевский не просто вскрывает силу воздействия идеологических канонов и шаблонов на наше сознание, но и обличает человеческие чувства в их двойственности в попытке соответствовать этим канонам. Писатель тонко вовлекает нас в это разоблачение: ведь внимательный читатель распознает мета-литературную игру, которая ставит его лицом к лицу с иллюзорностью своих собственных установок, которые автоматически задействуются при восприятии текста (мы, читатели, словно оказываемся в роли Настеньки, внимающей выдуманному рассказу «Мечтателя»). Таким образом, читатель, в полном соответствии с концепцией полифонии Бахтина, оказывается вовлечен в пространство вымысла – но и его возможного критического осмысления – наравне с героями повести.

В статье “О связности ‘полифонических монологов’ Достоевского: типология, безымянность и антономазия смешных подпольных мечтателей” ономастика и детальный анализ речи героев используется для решения фундаментальных проблем поэтики, что позволяет интерпретировать внутренний мир героя не только через психологию, но и через язык – в случае Достоевского изысканно и точно подобранный. Главный вклад статьи состоит в доказательстве того, что у Достоевского словесная форма (речевые стратегии и стилемы) является ключом к содержанию. Безымянность интерпретируется как поэтический выбор, переводящий персонаж из индивидуального портрета в социально-психологический тип

² См. Рене Жирар, *Ложь романтизма и правда романа*, пер. с франц. А. Зыгмунта (Москва: Новое литературное обозрение, 2019).

(стереотип), отражающий его экзистенциальную неопределенность. Опираясь на фундаментальные исследования Михаила Бахтина,³ Альфреда Бема,⁴ Рене Жирара,⁵ автор аргументирует, что монолог у Достоевского по своей природе полифоничен, а его фрагментарность – намеренный художественный прием, выявляющий непоследовательность самого человеческого сознания и, как подсказывает нам Сальмон, парадоксальную, “флуктуирующую” природу бытия героя. Так, становится очевидным, что самый хаотичный “подпольный” текст у Достоевского – это высокоструктурированное художественное целое, способное обнажить силу идеологических канонов, навязываемых извне и играющих подчас определяющую роль в структурировании человеческой идентичности.

В работе “Значение ‘неназванного имени’ пленника в рассказе о Великом инквизиторе Достоевского” автор показывает, что, в силу парадоксальности и диалогичности, полифоничности, *Легенда* сопротивляется наивно-упрощенной интерпретации “возможного Христа” как *Христа вообще*, открывая простор для парадоксального сосуществования противоположных толкований – от “антихристианского” и почти “атеистического” (Василий Розанов)⁶ до глубоко религиозного (Сергей Булгаков,⁷ Николай Бердяев,⁸ Лев Шестов⁹ и др.; Джорджо Агамбен, посвятивший ряд исследований христианской доктрине в политическом аспекте, не без доли провокационности называет Достоевского «вероятно, самым великим теологом XIX века»),¹⁰ одновременно подчеркивая эффект двойственности и даже «полицентричности», свойственный поэтике писателя). Отсутствие собственного имени у персонажа, которого по умолчанию принято считать и называть Христом, в комплексе с прочими текстовыми деталями обнаруживается в своей намеренной структурной повествовательной амбивалентности. Вновь автором статьи убедительно демонстрируется необходимость разграничения между Достоевским-художником и Досто-

3 См. Михаил Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского* (Москва: Изд-ство «Э», 2017 [1-е изд. 1963]).

4 См. Альфред Бем, *Достоевский* (Ann Arbor: Ardis, 1983).

5 См. Жирар.

6 См. Василий Розанов, *Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского* (Москва: Республика, 1996 [1-е изд. 1894]), с. 155.

7 См. Сергей Булгаков, “Русская трагедия”, *Русская Мысль*, 1914, кн. IV, с. 1-26.

8 См. Николай Бердяев, *Мироцерцание Достоевского* (Praha: YMCA-PRESS, 1923).

9 См. Лев Шестов, *Достоевский и Ницше. Философия трагедии* (Москва: Академический проект, 2020 [1-е изд. 1903]).

10 Giorgio AGAMBEN, “L’icona e la morte”, in Giorgio AGAMBEN, *Studio* (Torino: Einaudi, 2019), pp. 41-49: 45, 47.

евским-публицистом: «Разумеется, еще до написания Великого инквизитора Достоевский наметил проект, согласующийся с его рационально выстроенной религиозной, политической и идеологической концепцией [...], однако окончательный художественный текст, который родился вследствие воплощения этого проекта, не отражает, а *превосходит его*».¹¹

Необходимо подчеркнуть исключительную значимость представленных работ, которые, благодаря глубокому анализу словесно-стилистической структуры и поэтики Достоевского-художника, являются ценным вкладом в современное литературоведение. Все три статьи составляют единый комплекс взаимодополняющих и обогащающих друг друга положений, создавая многомерную модель интерпретации “парадоксального” Достоевского.¹² Неизменно опираясь на художественное *слово*, эти работы позволяют выявить и изучить текстовые механизмы, порождающие возможность множественных прочтений. Это в свою очередь открывает пространство для научной дискуссии.

¹¹ Цитирую по публикуемой статье (курсив в тексте).

¹² См. Дарья ФАРАФОНОВА, Лаура САЛЬМОН, Стефано АЛОЭ (под ред.), *Ф. М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, демонтаж* (Firenze: Firenze University Press, 2023).